

A glass jar filled with dark red fig jam, topped with a layer of figs. Several fresh figs are arranged around the jar on a wooden surface. One fig in the foreground is cut in half, revealing its pinkish-red, seedy interior. The background is softly blurred, showing more figs.

Елена К.

**«Тётя Ася, варенье из инжира
и другие способы спасти
мир»**

Елена К.

**«Тётя Ася, варенье из инжира
и другие способы спасти мир»**

<https://litres.ru/74230003>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лика возвращается в родной город, чтобы навестить тётю Асю, и неожиданно попадает в мир, где время течёт медленнее, а слова значат больше. Здесь варенье варят не ради сладкого, а чтобы залечить обиду, кот ложится на самое тревожное место, а соседи знают друг о друге всё, но всё равно помогают. Тётя Ася живёт по своим правилам: «Сначала чай, потом проблемы». И постепенно Лика понимает: чтобы спасти мир, не обязательно делать что-то великое. Иногда достаточно сварить варенье, выслушать соседа и обнять племянника. Это книга о том, как родные люди становятся нашей опорой, даже если мы долго этого не замечали. Тёплая, смешная, грустная и очень настоящая — как разговор с тем, кто тебя по-настоящему любит.

Содержание

Глава о открытой двери в уютный мир, где лечат не громкими словами	4
Глава 1. «Поезд»	7
Глава 2. «Ворота»	12
Глава 3. «Чай сразу»	16
Глава 4. «Инжир»	21
Глава 5. «Соседский телеграф»	26
Глава 6. «Кот и его метод»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена К.

«Тётя Ася, варенье из инжира и другие способы спасти мир»

Глава о открытой двери в уютный мир, где лечат не громкими словами

Хотите на пару часов забыть про дедлайны, бесконечный список дел и шум большого города? Эта книга — ваш личный островок тишины. Она не требует от вас быть сильными, идеальными или всё успевать. Она просто тихо шепчет: «Присядь. Выдохни. Сейчас можно не спасать мир — можно просто налить чаю и посидеть рядом с теми, кто дорог».

Хотите на пару часов забыть про дедлайны, бесконечный список дел и шум большого города? Эта книга — ваш личный островок тишины. Она не требует от вас быть сильными, идеальными или всё успевать. Она просто тихо шепчет: «Присядь. Выдохни. Сейчас можно не спасать мир — можно

просто налить чаю и посидеть рядом с теми, кто дорог».

Вы не просто будете следить за сюжетом — вы будете чувствовать этот мир: запах абрикосового варенья, тепло старой лавки, шершавость вязаного платка, мурчание кота у ног. Каждая глава — как глоток горячего чая в холодный вечер: согревает изнутри, возвращает силы и напоминает, что счастье прячется в мелочах.

Книга станет идеальным спутником для тех, кто ищет не экшена, а душевности; не потрясений, а тихого тепла. Она подойдёт, чтобы читать в дороге, на даче, укутавшись в плед, или перед сном, когда хочется, чтобы день закончился чем-то добрым. А ещё это прекрасный подарок — для мамы, подруги, сестры, для того, кто сейчас переживает непростой период: эта история мягко напомнит, что рядом всегда есть кто-то, кто скажет: «Я тут».

Возьмите эту книгу, откройте на любой странице — и позвольте себе немного уюта. Ведь иногда именно маленькая история о простых людях помогает почувствовать: всё будет хорошо. Просто потому, что вы не одни.

Все имена, персонажи, места и события, описанные в этой книге, являются плодом авторского воображения. Любые совпадения с реальными людьми, местами или ситуациями — чистая случайность.

Эта история родилась из желания подарить читателю немного тепла и уюта — и если в ком-то из героев вы вдруг узнаете себя или кого-то из близких, пусть это будет лишь

отражением того, что простые человеческие чувства — забота, поддержка, умение прощать — понятны и близки каждому.

Пусть эта книга станет для вас тем самым местом, где можно выдохнуть, улыбнуться и на минуту поверить: даже в самый хмурый день где-то рядом ждёт чашка чая, тёплый плед и кто-то, кто просто посидит с вами рядом — молча, но очень по-настоящему.

Глава 1. «Поезд»

Поезд замедлялся, будто не хотел привозить Лику туда, куда она сама не очень хотела ехать. Будто понимал: стоит только выйти на перрон — и прошлое тут же схватит её за рукав и не отпустит, пока не выговорится до конца.

Лику смотрела в окно и пыталась вспомнить, какой запах у этого города. Пыль? Сирень? Тёплый асфальт после дождя? А потом вспомнила: инжир. У тёти Аси в кладовке всегда стояла банка варенья из инжира, и этот запах был как пароль: ты дома. Если пахнет инжиром — значит, можно выдохнуть.

За окном проплывали знакомые до боли вещи: покосившийся забор у старой пекарни, фонарь с одним уцелевшим стеклом, дерево, на котором когда-то висели качели. Качели давно сняли, а ветка осталась — толстая, будто специально ждала, что кто-нибудь снова привяжет к ней верёвки. Лику улыбнулась этой ветке, как старому другу, с которым давно не виделась, но всё равно узнаёшь с первого взгляда.

В кармане завибрировал телефон. Артём написал: «Мам, а мы точно к тёте Асе? Там интернет ловит?» Лику вздохнула и ответила: «Ловит. Но если нет — ты узнаешь, что такое жизнь без мемов. Это тоже опыт». Она отправила сообщение и тут же почувствовала укол вины. Но тут же себя одер-

нула: пусть лучше Артём привыкает к тому, что мир — он не только в экране. Он ещё в тётиных пирожках, в скрипе калитки, в том, как дядя Гриша молча кивает, будто понимает всё без слов.

Рядом старушка вязала что-то бесконечно длинное и серое. Спицы стучали: тук-тук, тук-тук — ровно, как сердце, которое уже научилось не тревожиться по пустякам. Лика вдруг подумала, что в этом стуке — вся разница между её жизнью и тётиной. У Лики всё было про скорость: успеть, доделать, не забыть. У тёти Аси — про ритм: сделать, когда время пришло, и не торопить то, что само не спешит.

Проводница прошла по вагону, позвякивая ключами, и крикнула: «Приготовиться к выходу!» Лика встала, потянулась за сумкой и вдруг почувствовала, как внутри что-то дрогнуло — то ли страх, то ли предвкушение. Она столько лет убеждала себя, что ей не нужно туда возвращаться, что она уже взрослая и самостоятельная, что прошлое — это просто прошлое. А теперь поняла: прошлое — это не то, что было. Это то, что до сих пор живёт в тебе, даже если ты делаешь вид, что не замечаешь.

Перрон встретил её запахом шпал, горячего металла и... да, всё-таки инжира. Или это ей просто хотелось так думать. Тётя Ася всегда говорила: «Если чего-то очень ждёшь — оно обязательно появится. Хоть на секунду, но появится».

Лика спустилась по ступенькам, и город будто выдохнул ей навстречу. Всё было таким знакомым, что даже дышать

стало легче — и в то же время труднее, потому что каждый вдох теперь был наполнен воспоминаниями. Вот тут она в детстве рассыпала мороженое и плакала так, будто случилось самое страшное горе на свете. Вот тут они с подружкой шептались друг другу секреты, а соседка тётя Нина всё слышала, но делала вид, что нет. Вот тут дядя Гриша однажды сказал ей: «Не бойся быть маленькой. Маленьким тоже можно делать большие дела». Тогда она не поняла, о чём он. Теперь поняла.

Калитка скрипнула так же, как в детстве — будто специально, чтобы её услышали. Тётя Ася стояла у порога, не торопилась обнимать, только кивнула:

— Чай уже на плите. Рассказывай потом.

И Лика вдруг поняла, что именно этого ей не хватало все эти годы: чтобы кто-то сказал: «Сначала чай. Потом всё остальное».

Она поставила сумку, сняла куртку, которую зачем-то надела, хотя на улице было тепло, и тихо сказала:

— Прости, что так долго не приезжала.

Тётя Ася махнула рукой, будто смахнула эту вину, как надоедливую муху:

— Долго — не страшно. Главное, что приехала. А остальное мы с чаем разберём.

Они вошли в дом, и дверь за ними закрылась с тем самым звуком, который Лика столько раз слышала во сне: мягким, уверенным, будто говорил: «Ты дома. Здесь тебя ждут».

Кот Инжир сидел на подоконнике и смотрел на Лику так, будто знал про все её тревоги и решил: «Ладно, я посижу тут. Пусть ей будет спокойнее». Лика улыбнулась ему, и кот, словно поняв, что его заметили, лениво потянулся и спрыгнул на пол, чтобы тут же потереться о её ногу.

— Видал? — тихо сказала тётя Ася, глядя на кота. — Он тебя помнит. У котов память долгая.

Лика присела на табуретку, которую тоже помнила с детства — шатающуюся, но удобную, будто сделанную специально под её коленки. И вдруг почувствовала, как с плеч сваливается тяжесть, которую она носила столько месяцев, а может, и лет. Не вся, конечно. Но хоть часть.

Чай уже стоял на столе — в старом синем чайнике, с трещинкой на носике, которую Лика когда-то пыталась заклеить пластилином. Тётя налила в чашку, подвинула сахарницу, положила рядом ложку — всё так, как надо. И сказала:

— Рассказывай, если хочется. А если не хочется — просто пей. Тоже дело хорошее.

Лика обхватила чашку ладонями, почувствовала тепло, которое медленно перетекало в пальцы, и поняла: сейчас она не будет ничего объяснять. Не будет оправдываться, не будет рассказывать, как всё сложно. Сейчас она просто посидит, выпьет чаю и позволит себе быть той девочкой, которая когда-то верила, что если съесть тётино варенье, то все беды станут чуть меньше.

А потом, может быть, она расскажет. Когда слова сами

найдут дорогу.

Глава 2. «Ворота»

Калитка, которую Лика только что закрыла за собой, тут же будто стала границей — между «там» и «здесь». «Там» оставались поезда, расписания, тревожные письма в почте и ощущение, что она всё время куда-то опаздывает. «Здесь» время будто стекало с крыш, оседало пылью на подоконники и замирало в тени старого абрикоса.

Лика сделала первый шаг по двору и вдруг почувствовала, как земля под ногами стала чуть мягче, будто сама хотела её удержать. Всё было до боли знакомым: покосившийся столб, на котором когда-то висели качели; куст жасмина, который тётя Ася каждый год грозилась выкорчевать, а потом сама же нюхала по утрам; и даже трещина в асфальте, похожая на молнию, которая когда-то напугала маленькую Лику до слёз.

И в то же время всё было чуть чужим. Как будто она смотрела на двор через слегка запотевшее стекло: контуры те же, а краски чуть потускнели. Или это не краски потускнели, а она сама стала видеть иначе.

Абрикос вырос и теперь нависал над двором тяжёлой зелёной шапкой. На столбе не осталось и следа от верёвок — только тёмные бороздки в дереве, будто шрамы от старой радости. Куст жасмина разросся так, что почти перекрыл проход к сараю, и теперь казалось, что он нарочно прячет от по-

сторонних глаз что-то важное.

— Не стой как чужая, иди сюда, — крикнула тётя Ася из окна, будто прочитала её мысли. — Ворота не для того, чтобы в них застывать.

Ли́ка улыбнулась и пошла вперёд, чувствуя, как с каждым шагом плечи опускаются чуть ниже, а дыхание становится глубже.

У крыльца сидел кот Инжир и смотрел на неё с видом человека, который знает все секреты двора, но не собирается ими делиться. Он лениво дёрнул ухом, будто сказал: «Ну, приехала. Теперь не вздумай опять исчезнуть на три года».

— И тебе привет, — тихо сказала Ли́ка, присаживаясь рядом на ступеньку. — Прости, что долго не была.

Инжир фыркнул, будто хотел сказать: «Прощаю, но это в последний раз», и уткнулся носом в лапу.

Из сарая вышел дядя Гриша. Он не торопился, не делал лишних движений — просто появился, как появляется утро: незаметно, но сразу становится светлее. В руках у него был старый деревянный ящик, весь в царапинах и пятнах от краски.

— Привет, Ли́ка, — сказал он спокойно, как будто она уезжала только вчера. — Ящик этот всё никак не выброшу. А он всё держится. Как мы.

Ли́ка хотела что-то ответить, но слова застряли в горле. Ей вдруг захотелось обнять его, уткнуться в его старую куртку, пахнущую деревом и табаком, и просто постоять так, пока

всё плохое не растворится в этом спокойствии. Но она сдержалась — и вместо этого просто кивнула:

— Да. Как мы.

Дядя Гриша поставил ящик у крыльца, посмотрел на Лика своими внимательными, чуть прищуренными глазами и сказал:

— Двор без тебя скучал. Даже абрикос ветки опустил. А теперь опять тянется.

Лику рассмеялась, и этот смех прозвучал в дворе как что-то забытое, но очень нужное — как первый аккорд старой песни, которую все знали наизусть.

В калитку заглянула тётя Нина, соседка, которая знала про всех всё и даже чуть больше. В руках у неё была тарелка, накрытая полотенцем.

— Вот, пирог с капустой. Свежеиспечённый. А то у Аси только чай и варенье, а человеку надо и поесть по-человечески, — она подмигнула Лике. — А то стоишь, смотришь на двор, будто не веришь, что он настоящий. А он настоящий. И ждёт тебя.

Тётя Ася вышла на крыльцо, взяла тарелку, вздохнула, будто это была самая тяжёлая вещь на свете, и сказала:

— Ну вот, теперь можно и за стол. А то стоять да вздыхать — дело хорошее, но не сытное.

Они сели за старый стол под абрикосом. Тётя Ася разлила чай, дядя Гриша молча положил Лике кусок пирога, тётя Нина принялась рассказывать, кто из соседей куда пере-

ехал, кто женился, кто опять поссорился, а кто помирился за чашкой чая. Лика слушала и кивала, а сама ловила себя на мысли, что ей не нужно ничего объяснять. Здесь её не спрашивали «как дела» ради вежливости. Здесь ждали, когда она сама захочет рассказать.

Двор жил своей жизнью. Где-то хлопала дверь, где-то лаяла собака, где-то звенел детский смех. И в этом шуме Лика вдруг слышала самое главное: её здесь ждали. Не как гостью, которая приехала на пару дней и опять исчезнет. А как свою.

Она откусила кусок пирога, почувствовала вкус детства — чуть солёный, чуть сладкий, с хрустом капусты и теплом духовки — и поняла: она дома. Не потому, что стены те же и деревья растут на тех же местах. А потому, что здесь её принимали такой, какая она есть. Даже если она сама себя давно перестала узнавать.

Тётя Ася посмотрела на неё и тихо сказала:

— Теперь дыши. Просто дыши. Остальное само встанет на места.

И Лика послушалась. Она закрыла глаза, вдохнула запах жасмина, старого дерева, горячего пирога и чуть горьковатого чая — и почувствовала, как что-то внутри неё наконец-то расслабилось. Как будто все эти годы она держала в себе тяжёлый камень, а теперь положила его на землю, и он остался лежать во дворе, никому не мешая.

Глава 3. «Чай сразу»

После пирога с капустой тётя Ася даже не подумала заводить разговор про дела. Не спросила, почему Лика так долго не приезжала, не стала выяснять, что стряслось на работе, не полезла с расспросами про Артёма и про то, почему он всё время смотрит в телефон. Вместо этого она молча собрала тарелки, поставила на стол старый синий чайник — тот самый, с трещинкой на носике — и налила чай в чашки, будто этим жестом могла сразу убавить громкость всех тревог.

— Сахар? — спросила она буднично, как будто ничего важнее этого вопроса сейчас и быть не могло.

Лика кивнула, хотя обычно пила без сахара. Просто чтобы не спорить. Просто чтобы сделать хоть что-то привычное. Тётя положила ровно две ложки — как в детстве, когда Лика говорила: «Ещё чуть-чуть, совсем капельку», а тётя отвечала: «Две. Больше нельзя, а то сердце будет прыгать».

— Пей, пока горячий, — сказала тётя Ася и села напротив, опершись локтями о стол. Взгляд у неё был спокойный, как у человека, который знает: если дать тишине побыть немного, она сама вытолкнет всё лишнее.

Лика обхватила чашку ладонями, чувствуя, как тепло медленно ползёт по пальцам, забирается под кожу и будто растапливает там что-то застывшее. Она хотела было начать:

«Тётя Ася, понимаешь, там столько всего...», но слова застряли где-то между горлом и чашкой. Получился только тихий выдох.

Тётя Ася чуть наклонила голову, будто прислушивалась не к словам, а к тому, что за ними прячется.

— Не надо сейчас, — сказала она мягко, но твёрдо, как отрезала. — Сначала чай. Потом всё остальное. А если не захочется рассказывать — тоже ладно. Чай и без слов помогает.

Лица улыбнулась. Эта фраза была как старый свитер, который уже растянулся и потерял цвет, но всё равно греет лучше любого нового. «Сначала чай. Потом всё остальное». Сколько раз она слышала её в детстве, когда приходила зареванная из-за какой-нибудь ерунды — обиды на подружку, плохой оценки, сломанной игрушки. И каждый раз тётя не торопилась читать нотации, не пыталась сразу всё исправить. Она просто наливала чай и ждала, пока слёзы высохнут сами.

За окном шелестел листьями абрикос, будто шептал что-то своё, дворовое. Кот Инжир запрыгнул на стол, понюхал чашку Лики, фыркнул, будто решил, что чай слишком простой, и улегся прямо на краешек скатерти, заняв ровно столько места, сколько нужно, чтобы всем стало ясно: он тут главный контролёр уюта.

— Ну вот, — тихо сказала тётя Ася, глядя на кота. — Теперь точно всё правильно. Когда Инжир ложится — значит, можно выдохнуть. Он плохого не посоветует.

Ли́ка осто́рожно поглади́ла ко́та ме́жду уша́ми. То́т приоткры́л о́дин гла́з, посмотре́л на не́ё с ви́дом «я́ терпе́лю это́ то́лько пото́му, что́ ты мо́я», снова́ за́крыл и вы́тянул ла́пу, бу́дто гово́рил: «Продо́лжай. Мне нра́вится».

В д́верях по́явился д́ядя Ѓриша. Он посто́ял не́много, при́слушива́ясь к ти́шине, пото́м взял со сто́ла кусо́к пиро́га, ко́торый те́тя Ни́на при́несла, отку́сил и кивну́л, как бу́дто подтве́рдил: да, жи́знь иде́т, и это́ хоро́шо.

— Д́вор се́годня спо́койный, — сказа́л он, бу́дто это́ была́ са́мая ва́жная но́вость д́ня. — А ко́гда д́вор спо́койный — и вну́три спо́койнее.

Ли́ка в́друз по́чувствова́ла, как её от́пускает на́пряже́ние, ко́торое она́ но́сила с со́бой, как рю́кзак с ки́рпича́ми. Не до́ конца, ко́нечно. Но хо́тя бы ля́мки пе́рестали вре́заться в пле́чи.

Она́ сде́лала е́щё о́дин ѓлоток ча́я. Те́перь он ка́зался не́ просто го́рячим на́питком, а че́м-то в́роде ле́карства, ко́торое не́ обеща́ет, что́ всё ста́нет иде́ально, но обеща́ет, что́ прямо́ се́йчас ста́нет чу́ть ле́гче.

Те́тя А́ся подвину́ла к не́й блю́дце с ма́леньким кусо́чком ва́ренья из инжи́ра.

— На ло́жку. Д́ля па́мяти, — сказа́ла она́. — Че́обы ты́ вспо́мнила, что́ не всё́ в жи́зни до́лжно бы́ть сло́жным. Ино́гда до́статочно́ просто́ ва́ренья, ко́та и хоро́шего ча́я.

Ли́ка взя́ла ло́жечку́, положи́ла ва́реньё в ча́шку, посмотре́ла, как оно́ ра́створя́ется в те́мной жи́дкости, окра́шивая

её в янтарный цвет, и вдруг вспомнила, как в детстве думала, что это не варенье, а жидкое солнце. И что если выпить такой чай, то весь день будет светлым, даже если на улице дождь.

— Спасибо, — тихо сказала она, и в этом «спасибо» было сразу столько всего: и за чай, и за то, что не спрашивают лишнего, и за то, что позволяют просто сидеть и дышать.

Тётя Ася махнула рукой, будто отмахнулась от благодарности, как от чего-то слишком большого для маленькой кухни.

— Пустое. Мы своих не бросаем. Даже если они пропадают на три года, а потом приезжают с глазами, в которых столько всего намешано, что и не разберёшь.

И тут Лика почувствовала, как к горлу подступает комок. Не от обиды, не от жалости к себе, а от того, что её просто приняли. Без условий. Без требований сначала всё объяснить.

Она опустила голову, чтобы тётя не увидела, как дрожат ресницы, и прошептала:

— Я боялась, что вы подумаете, будто я забыла.

Тётя Ася наклонилась чуть ближе и тихо, но очень твёрдо сказала:

— Забыть можно про то, что неважно. А про своё не забывают. Просто иногда дорога длинная. Ничего. Ты приехала. И этого достаточно.

Кот Инжир потянулся, перебрался с края скатерти прямо Лике на колени и улёгся там, тяжёлый, тёплый, настоящий.

Ли́ка обня́ла его, уткну́лась носом в мягкую шерсть и почувствовала, как внутри что-то наконец-то встаёт на место.

Дядя Гриша хмыкнул, будто сказал этим звуком всё, что нужно, и ушёл в сарай — тихо, без лишних слов, как умел только он. Тётя Ася посидела ещё немного, потом встала, собрала чашки и сказала:

— Сейчас я тебе постелю в твоей комнате. Пусть ты поспишь. А когда проснёшься — если захочешь, расскажешь. А не захочешь — значит, расскажешь в другой раз.

Ли́ка кивнула. Ей вдруг стало так спокойно, что даже говорить не хотелось. Хотелось просто закрыть глаза и слушать, как шелестит абрикос, как тикают старые часы в коридоре и как где-то рядом живёт этот маленький, но такой огромный мир, который её ждёт.

Глава 4. «Инжир»

Ли́ка проснулась от запаха — густого, сладкого, с лёгкой пряной горчинкой. Она ещё не открыла глаза, а уже знала: тётя Ася варит варенье из инжира. Этот запах был как пароль, как секретный знак: если пахнет инжиром — значит, мир ещё держится, даже если где-то всё идёт наперекосяк.

Она накинула тётин тёплый халат, который всегда висел на крючке у двери — широкий, в крупную клетку, пахнувший сушёной лавандой и чуть-чуть дымом, — и вышла во двор. Солнце уже стояло высоко, но в тени абрикоса было прохладно, и капли росы ещё держались на листьях, будто не решались испаряться.

Тётя Ася стояла у большого медного таза, который, казалось, был старше самого дома. Она помешивала варенье деревянной ложкой, и движения у неё были спокойные, уверенные — будто не варенье она варит, а сама выравнивает мир вокруг.

— Не стой на сквозняке, — не оборачиваясь, сказала тётя Ася. — А то простудишься, а мне потом тебя чаем отпаивать.

Ли́ка улыбнулась и подошла ближе. В тазу плавали тёмно-бордовые плоды, лопались, отдавали сок, и сироп становился всё гуще, всё янтарнее.

— Опять ты его варишь, когда тяжело, — тихо сказала

Ли́ка, присаживаясь на старый табурет рядом.

Тётя Ася чуть приподняла брови, будто удивилась, что Ли́ка это заметила, а потом кивнула:

— Да. Когда тяжело — надо делать что-то, что пахнет домом. А инжир пахнет домом лучше всего.

Ли́ка помолчала, а потом спросила:

— А когда ты впервые его сварила?

Тётя Ася улыбнулась, но улыбка вышла не весёлой, а таковой, в которой спряталось много лет сразу.

— В тот год, когда мы с дядей Гришей только поженились. Дом был чужой, стены холодные, соседи косились: мол, молодая, городская, ничего не умеет. А у меня руки тряслись от усталости и от страха, что ничего не выйдет. И вот как-то утром я нашла на соседнем участке опавшие плоды инжира — их никто не брал, говорили, что мелкие, нетоварные. Я их собрала, принесла домой, и думаю: «Хоть что-то своё сделаю». И сварила. Без рецепта, на глаз. Получилось горько, кисло, неказисто. Но дядя Гриша съел целую тарелку и сказал: «Вкусно. Потому что твоё». И с тех пор я поняла: варенье — оно не про сладость. Оно про то, чтобы сказать себе: я справляюсь. Хоть чуть-чуть, хоть сегодня.

Ли́ка слушала и чувствовала, как внутри что-то тихо щёлкает, встаёт на место.

— А потом? — спросила она.

— Потом были годы, когда оно становилось «лекарством от плохого дня». Когда мама болела, я варила и говорила:

«Вот, сейчас будет сладко, и станет легче». Когда дядя Гриша потерял работу, я варила и ставила банку ему на стол: «Держи. Это чтобы завтра было лучше». Когда ты уехала учиться и я плакала по ночам, я тоже варила. И думала: пусть хоть в доме пахнет, будто ты рядом.

Лица опустила голову, чувствуя, как к глазам подступают слёзы — не от жалости к себе, а от того, что кто-то столько лет держал для неё этот маленький, тёплый свет.

— Прости, — прошептала она.

Тётя Ася махнула ложкой, будто отгоняла эту вину, как назойливую муху.

— Пустое. Ты жила свою жизнь. А я — свою. И в моей жизни было это варенье. И оно помогало.

Кот Инжир подошёл, потёрся о Ликину ногу, потом запрыгнул на край стола, понюхал сироп и фыркнул — будто сказал: «Слишком сладко. Но ладно, я посижу тут, чтобы вам не было грустно».

Тётя Ася засмеялась:

— Вот, даже кот знает, что сладкое не всегда нужно. Иногда достаточно просто, чтобы кто-то был рядом.

Из сарая вышел дядя Гриша. Он постоял, послушал их разговор, потом взял банку, которую тётя уже успела закатать, покрутил в руках, будто взвешивая не содержимое, а что-то большее, и сказал:

— Это на зиму. Чтобы, если вдруг станет холодно, ты знала: у тебя есть место, где пахнет домом.

Ли́ка кивнула, потому что слова вдруг стали слишком тяжёлыми, чтобы их произносить.

А тётя Ася снова взялась за ложку и тихо, будто для себя, сказала:

— Знаешь, в чём секрет этого варенья? Не в плодах и не в сахаре. А в том, что ты варишь его, когда хочется всё бросить. И не бросаешь. И этим самым говоришь: я держу. Хоть что-то, но держу.

Солнце поднималось выше, сироп пузырился и золотился, и казалось, что в этих пузырьках прячутся все те дни, когда было тяжело, но всё равно становилось чуть светлее.

Ли́ка встала, подошла к тётё, обняла её осторожно, боясь, что та отстранится, но тётя только вздохнула, прижала её на секунду крепче и сказала:

— Ну вот. Теперь помоги мне крышки закручивать. Руки у тебя молодые, крепкие. А мне уже тяжело.

И они стали закручивать крышки, одну за другой, и каждая банка была как маленький щит: от холода, от тревоги, от дней, когда мир кажется слишком большим и слишком несправедливым.

Когда последняя крышка щёлкнула, тётя Ася посмотрела на ряды банок, потом на Ли́ку, и сказала:

— Видишь? Мы справились. Сегодня — с вареньем. А завтра — с чем-нибудь ещё. По чуть-чуть. Главное — не бросать.

Ли́ка улыбнулась, вытерла руки о фартук и вдруг почув-

ствовала, что впервые за долгое время ей не нужно ничего доказывать. Не себе, не тёте, не миру. Ей просто можно быть здесь, закручивать крышки и знать, что это тоже важно.

Глава 5. «Соседский телеграф»

Тётя Нина появилась в калитке ровно в тот момент, когда солнце добралось до середины двора и стало припекать так, что даже кот Инжир перебрался из центра дорожки в тень под лавку. В руках у тёти Нины была круглая эмалированная кастрюлька, плотно укутанная в цветастое полотенце — так плотно, что из-под него пробивался только запах: тёплый, дрожжевой, с лёгкой ноткой ванили.

— Не стойте столбами! — крикнула она ещё издали, будто боялась, что её не заметят, а если не заметят — значит, день пойдёт наперекосяк. — Я пирог принесла! С яблоками и корицей! Пока горячий!

Тётя Ася улыбнулась, будто услышала самую хорошую новость за неделю, и крикнула в ответ:

— Ставь на стол, Нина, сейчас чай докипит!

Лица вдруг поймала себя на том, что улыбается просто от этого голоса, от этой привычной суеты, от того, как всё сразу становится правильным: если тётя Нина пришла с пирогом — значит, мир стоит на месте, ничего страшного не случилось, и можно выдохнуть.

Тётя Нина вошла во двор, шумно отдуваясь, будто не десять шагов прошла, а пересекла полгорода. Она поставила кастрюльку на стол, сняла полотенце, и над пирогом поднял-

ся лёгкий пар — будто сам пирог хотел поскорее рассказать всем, какой он вкусный.

— Вот, испекла с утра. Думала: «А вдруг Асе некогда, вдруг Лика устала, вдруг вообще всем надо просто кусок пирога, чтобы день сложился». И пошла. А по дороге столько всего узнала — хоть газету выпускай!

Она села на лавку, расправила юбку, вздохнула так глубоко, будто хотела заодно выдохнуть все новости, и тут же начала:

— Во-первых, у Петровых кран прорвало, так вода хлестала, что соседка снизу думала, что у неё потоп от всемирного потепления. Во-вторых, в магазин привезли тот самый чай, который ты, Ася, любишь, но он кончается быстрее, чем успеваешь дойти. В-третьих, у Марьи Ивановны внук приехал — такой серьёзный, в очках, всё спрашивает, где тут библиотека, будто мы тут в шашки играем и книг не держим. Ну и, в-четвёртых...

Тётя Ася тихо рассмеялась:

— Нина, дай людям сначала пирог попробовать. А потом уж про всемирное потепление.

Тётя Нина махнула рукой:

— Да я же не со зла. Просто новости сами из меня лезут. Как тесто. Если не расскажешь — перекишет.

Лика улыбнулась. В этом была вся тётя Нина: она не сплетничала, она хранила новости, как кто-то хранит старые письма, и приносила их туда, где они были нужны. Потому

что хорошая новость лечит, а плохая — если её проговорить вслух, становится чуть меньше.

Дядя Гриша подошёл к столу, молча взял кусок пирога, откусил, кивнул — и этим кивком сказал всё: пирог хороший, день хороший, всё идёт как надо.

— А ты, Лика, как? — спросила тётя Нина, наклонив голову так, будто хотела разглядеть не лицо, а всё, что прячется за ним. — Не устала с дороги? Тут у нас тихо, но новостей много. Если хочешь, я могу не рассказывать. Могу просто сидеть и есть пирог. Тоже дело хорошее.

Лика покачала головой:

— Рассказывай. Мне даже приятно, что столько всего происходит. Как будто я никуда не пропадала, а просто стояла за углом и сейчас вернулась.

Тётя Нина кивнула, будто именно это и хотела услышать, и снова заговорила, уже спокойнее:

— Ну вот, значит, слушай. У Семёновых кошка окотилась, шесть котят. Один весь в пятнах, будто его в чернила макнули. А у школы дерево старое спилили, и дети плакали, потому что на нём висели их качели. Но директор пообещал, что новые повесят, только чуть в другом месте. И ещё...

Лика слушала, кивала, откусывала кусочек пирога — горячего, с хрустящей корочкой и мягкими яблоками внутри — и чувствовала, как новости, которые ещё минуту назад казались чужими и далёкими, постепенно становятся своими. Потому что когда о них рассказывает тётя Нина, это уже

не просто новости. Это жизнь двора.

Кот Инжир вылез из тени, подошёл к тётё Нине, понюхал пирог, фыркнул, будто решил, что слишком сладко, но всё равно сел рядом — потому что там, где тётя Нина, всегда тепло и спокойно.

— И самое главное, — шёпотом сказала тётя Нина, будто боялась спугнуть эту тишину, — я вчера мимо твоего старого дома проходила. Там теперь новые жильцы. Но калитка всё так же скрипит. Я специально потянула, чтобы послушать. И знаешь, что подумала? Хорошо, что скрипит. Значит, дом живой.

У Лики вдруг защипало в глазах, но она быстро моргнула, чтобы слёзы не успели пролиться, и сказала:

— Спасибо, что потянула. Мне приятно, что кто-то помнит.

Тётя Нина взяла её за руку, крепко, по-соседски, без лишних слов, и сказала:

— Мы тут все помним. И калитки, и качели, и кто кому пирог носил. Тут не забывают. Тут просто ждут, когда человек снова придёт.

Чай разлили по чашкам, пирог разобрали на куски, и даже дядя Гриша, который обычно не любил долгих разговоров, вдруг сказал:

— Хорошо, когда новости хорошие. А если плохие — всё равно лучше, когда их не в одиночку слышишь.

И в этом была правда, простая и крепкая, как старый за-

бор у сарая: беда легче, когда её делят на всех. А радость — слаще, потому что её тоже делят.

Тётя Нина допила чай, вздохнула, будто сняла с плеч мешок новостей, и сказала:

— Ну, пойду я. А то у меня ещё три двора надо обойти — вдруг кому-то тоже кусок пирога нужен. Или просто чтобы кто-то посидел и послушал.

Она встала, накинула платок, помахала всем и вышла за калитку, оставив после себя запах пирога, запах новостей и ощущение, что мир большой, но в нём есть маленький уголок, где тебя знают и ждут.

Когда калитка закрылась, во дворе стало тише. Но эта тишина уже не была пустой. Она была наполнена: запахом яблок и корицы, тихим дыханием абрикоса и знанием, что если вдруг станет тяжело — достаточно просто выйти за порог, и кто-нибудь обязательно скажет: «Я тут. Держи пирог. Рассказывай».

Тётя Ася посмотрела на Лику и тихо сказала:

— Видишь, какой у нас телеграф? Не по проводам, не по телефону. Просто люди друг другу несут новости — и пироги. И этим держат мир.

Лику кивнула. И вдруг поняла, что впервые за долгое время ей не хочется никуда бежать. Ей хочется просто сидеть здесь, пить остывший чай, смотреть, как солнце ползёт по двору, и знать, что она дома.

Глава 6. «Кот и его метод»

Лика проснулась рано, когда двор ещё спал, а только первые птицы пробовали голоса, будто проверяли, не забыли ли они за ночь, как петь. В доме было тихо, только где-то в глубине коридора поскрипывали старые половицы — будто дом сам себе рассказывал сны.

И тут Лика вспомнила: она ведь привезла с собой чемодан. Не огромный, но тяжёлый — не столько вещами, сколько тем, что в них пряталось: рабочими заметками, распечатками писем, папкой «надо разобрать», наушниками, которые обещали унести её в другой мир, если станет слишком шумно. И ещё — ключ от старой квартиры, который она зачем-то положила в боковой карман, будто боялась потерять не ключ, а саму возможность вернуться туда, где всё было «по правилам».

Чемодан стоял у двери, как молчаливое напоминание: ты здесь в гостях. Ты в любой момент можешь собраться и уехать. И Лика вдруг почувствовала, как эта мысль тянет её за плечи, будто невидимая рука тихонько подталкивает: «Ну, ты же не обязана тут оставаться. Если станет тяжело — просто соберись и уходи».

Она присела рядом с чемоданом, провела ладонью по жёсткой ткани, и ей вдруг стало стыдно: будто она предаёт

этот тихий двор, тётушкин чай, тёти-Нинины пироги — одним только тем, что держит чемодан наготове.

— Думаешь, сбежать? — прозвучал над ухом спокойный голос тёти Аси.

Ли́ка вздрогнула. Тётя стояла в дверях в старом халате, с чашкой в руке, и смотрела не строго, а так, как смотрят на ребёнка, который собирается выйти в мороз без шапки: с лёгкой тревогой и полной уверенностью, что сейчас всё поправит.

— Не сбежать, — тихо сказала Ли́ка, сама не очень веря своим словам. — Просто... чемодан мешается. Надо его куда-то убрать.

Тётя Ася кивнула, будто приняла это объяснение, хотя явно не поверила.

— Убери. Только не в кладовку. Там паук живёт, он нервный, не любит чемоданы. Поставь в углу, пусть постоит. А лучше — открой и разложи вещи. Когда вещи лежат на своих местах, и голове легче.

Она ушла на кухню, оставив Ли́ку наедине с чемоданом и этим странным чувством: будто её поймали не на лжи, а на страхе. И не осудили, а просто сказали: «Я вижу. Но ты не обязана прямо сейчас решать».

Ли́ка расстегнула молнию, начала вытаскивать вещи, складывать их на стул, и вдруг поняла, что почти всё, что она привезла, было связано с «той» жизнью: блокноты с задачами, папки, зарядки от устройств, которые здесь почти

не работали, потому что во дворе хватало одного старого радиоприёмника и голоса тёти Нины, чтобы быть в курсе всех новостей.

И в этот момент на чемодан с мягким «плюх» приземлился кот Инжир. Он вытянулся во всю длину, занял ровно столько места, сколько нужно, чтобы закрыть собой и молнию, и ручку, и даже маленький ярлычок с именем Лики, и уставился на неё своими жёлтыми глазами, в которых читалось одно: «Ты никуда не бежишь прямо сейчас».

— Эй, — тихо сказала Лика. — Ты мне чемодан загораживаешь.

Инжир моргнул. Медленно, основательно, как будто каждое моргание стоило ему серьёзных размышлений. Потом положил голову на лапы и остался лежать.

— Он прав, — снова появилась тётя Ася, на этот раз с двумя чашками в руках. — Пусть лежит. Чемодан никуда не убежит. А если ты его закроешь и застегнёшь — он будет смотреть на тебя, как укор. Пусть лучше кот его сторожит. У него это лучше получается.

Лика рассмеялась, и этот смех прозвучал в утренней тишине как что-то новое — лёгкое, свободное, будто она сама себе разрешила не быть серьёзной.

— Ты знаешь, он всегда так делает, — сказала тётя Ася, протягивая Лике чашку. — Когда кто-то собирается уезжать или просто думает об этом, Инжир ложится на самое важное. На сумку, на билет, на ключи. Как будто говорит: «Подожди.

Тут ещё не всё сказано».

Ли́ка погладила кота по тёплой спине. Инжир фыркнул, будто хотел сказать: «Хватит нежности, лучше налей молока», но не ушёл. Остался лежать, тяжёлый, тёплый, настоящий.

— Знаешь, что самое смешное? — тихо сказала Ли́ка, глядя в чашку, где чайное пятно медленно расплывалось по стенкам. — Я ведь и правда думала: посижу пару дней, помогу тебе с вареньем, поговорю с дядей Гришей, а потом соберусь и поеду. Потому что там дела, работа, письма, которые не могут ждать. А теперь мне кажется, что если я застегну этот чемодан, я закрою что-то важное.

Тётя Ася села рядом на табуретку, поставила чашку на колено, чтобы не шуметь, и сказала:

— Дела всегда есть. Письма всегда пишут. Но есть вещи, которые нельзя делать на бегу. Их надо делать тут, во дворе, под абрикосом, когда кот лежит на чемодане, а чайник уже шумит. И если ты сейчас уедешь, ты уедешь не от дел. Ты уедешь от себя. А от себя далеко не уйдёшь.

Ли́ка кивнула. Ей не хотелось спорить. Не хотелось оправдываться. Хотелось просто сидеть тут, чувствовать, как тепло от чашки ползёт по пальцам, и смотреть, как кот, не открывая глаз, одним ухом прислушивается к миру — на всякий случай, вдруг понадобится срочно кого-то спасти.

Из сарая вышел дядя Гриша. Он постоял, посмотрел на эту картину — на чемодан, на кота, на двух женщин, которые

будто решали что-то очень важное без слов, — и сказал:

— Пусть лежит. Сегодня никуда не едем. Сегодня чиним забор. И печём пирог. И слушаем, как абрикос шелестит. Это тоже дела. Может, даже важнее.

Он ушёл, прихватив какой-то инструмент, а Лика вдруг почувствовала, как её отпускает эта невидимая тяга к отъезду. Не навсегда, конечно. Но хотя бы на сегодня.

Инжир чуть подвинулся, освобождая место для Ликиной руки, и позволил ей ещё раз погладить себя между ушами. Потом снова вытянулся, закрыл глаза и будто сказал всем своим видом: «Вот. Теперь правильно. Пусть чемодан постоит. Тут интереснее».

Тётя Ася допила чай, встала, потянулась, будто сбрасывая с плеч остатки сна, и сказала:

— Ну, раз чемодан под охраной, давай займёмся делом. Поможешь мне с тестом? Тётя Нина обещала зайти, а к её приходу надо, чтобы пахло домом.

Лика встала, оставила чемодан там, где он был — под надёжной охраной кота, — и пошла за тётей на кухню. И впервые за долгое время ей не хотелось проверять телефон. Не хотелось думать о письмах. Хотелось просто месить тесто, слушать, как дядя Гриша стучит молотком где-то во дворе, и знать, что если вдруг снова потянет сбежать — кот опять ляжет на чемодан и скажет своим молчанием: «Подожди. Тут ещё не всё».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.